

смотреть под ноги. Такая предосторожность была очень кстати: я чуть-чуть не упалъ, наткнувшись на что-то толстое и мягкое, но повидимому не живое. Наклоняюсь — мѣсяцъ ужъ свѣтилъ прямо на дорогу — и что же? передо мною лежала свинья, разрубленная пополамъ шашкой... Едва я успѣлъ ее рассмотреть, какъ услышалъ шумъ шаговъ: два казака бѣжали изъ переулка. Одинъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: не видалъ ли я пьянаго казака, который гнался за свиньей. Я объявилъ имъ, что не встрѣчалъ казака, и указалъ на несчастную жертву его пенсовой храбрости.

— Экой разбойникъ! — сказалъ второй казакъ: — какъ напѣется чихиря, такъ и пошелъ крѣпить все, что ни пошло. Пойдемъ за нимъ, Еременъ, надо его связать, а то...

Они удалились, а я продолжалъ свой путь съ большей осторожностью и наконецъ счастливо добрался до своей квартиры.

Я жилъ у одного стараго урядника, котораго любилъ за добрый его нравъ, а особенно за хорошенькую дочку, Настю.

Она, по обыкновенію, дождалась меня у калитки, завернувшись въ шубку; луна освѣщала ей милыя губки, посинѣвшія отъ ночного холода. Узнавъ меня, она улыбнулась, но мнѣ было не до нея. — Прощай, Настя! — сказалъ я, проходя мимо. Она хотѣла что-то отвѣчать, но только вздохнула.

Я затворилъ за собою дверь моей комнаты, засвѣтилъ свѣчу и бросился на постель; только сонъ на этотъ разъ заставилъ себя ждать болѣе обыкновеннаго. Ужъ востокъ начиналъ блѣднѣть, когда я заснулъ, но, видно, было написано на небесахъ, что въ эту ночь я не выплусь. Въ четыре часа утра два кулака застучали ко мнѣ въ окно. Я вскочилъ: что такое? — Вставай, одѣвайся! — кричало мнѣ нѣсколько голосовъ. Я наскоро одѣлся и вышелъ. — Знаешь, что случилось? — сказали мнѣ въ одинъ голосъ три офицера, пришедшіе за мною; они были блѣдны, какъ смерть.

— Что?

— Вулицъ убить.

Я остоленѣлъ.

— Да, убить! — продолжали они. — Пойдемъ скорѣе.

— Да куда же?

— Дорогой узнаешь.

Пошли. Они рассказали мнѣ все, что случилось, съ примѣсю разныхъ замѣчаній насчетъ страннаго предопредѣленія, которое спасло его отъ неминуемой смерти за полчаса до смерти. Вулицъ шелъ одинъ по темной улицѣ; на него наскочилъ пьяный казакъ, изрубившій свинью, и, можетъ быть, прошелъ бы мимо, не замѣтивъ его, если бы

Вулицъ, вдругъ остановясь, не сказалъ: — Кого ты, братецъ, ищешь? — Тебя! — отвѣчалъ казакъ, ударивъ его шашкой, и разрубилъ его отъ плеча почти до сердца... Два казака, встрѣтившіе меня и слѣдившіе за убійцей, подошли, подняли раненаго, но онъ былъ уже при послѣднемъ издыханіи и сказалъ только два слова: — Онъ правъ! — Я одинъ понималъ темное значеніе этихъ словъ: они относились ко мнѣ; я предсказалъ невольнo бѣдному его судьбу; мой инстинктъ не обманулъ меня: я точно прочелъ на его измѣнившемся лицѣ печать близкой кончины.

Убійца заперся въ пустой катѣ, на концѣ станины: мы шли туда. Множество женщинъ бѣжало съ плачемъ въ ту же сторону; не временамъ опоздавшій казакъ выскакивалъ на улицу, второнихъ пристегивая кинжалъ, и бѣгомъ опережалъ насъ. Суматоха была страшная.

Вотъ, наконецъ, мы пришли; посмотримъ: вокругъ хаты, которой двери и ставни заперты изнутри, стоитъ толпа. Офицеры и казаки толкуютъ горячо между собою; женщины воютъ, приговаривая и причитывая. Среди нихъ бросилось мнѣ въ глаза значительное лицо старухи, выражавшее безумное отчаяніе. Она сидѣла на толстомъ бревнѣ, облокотясь на свои колѣни и поддерживая голову руками: то была мать убійцы. Ея губы по временамъ шевелились... молитву, онъ шепталъ, или проклятіе?

Между тѣмъ надо было на что-нибудь рѣшиться и схватить преступника. Никто, однако, не отваживался броситься первый.

Я подошелъ къ окну и посмотрѣлъ въ щель ставни: блѣдный, онъ лежалъ на полу, держа въ правой рукѣ пистолетъ; окровавленная шашка лежала возлѣ него. Выразительные глаза его страшно вращались кругомъ; порою онъ вздрагивалъ и хваталъ себя за голову, какъ будто неясно припоминавая вчерашнее. Я не прочелъ большой рѣшимости въ этомъ безпокойномъ взглядѣ и сказалъ майору, что напрасно онъ не велитъ выломать дверь и броситься туда казакамъ, потому что лучше это сдѣлать теперь, нежели послѣ, когда онъ совсѣмъ опомнится.

Въ это время старшій есаулъ подошелъ къ двери и назвалъ его по имени; тотъ откликнулся.

— Согрѣшилъ, братъ Ефимычъ, — сказалъ ему есаулъ: такъ ужъ нечего дѣлать, покорись!

— Не покорюсь! — отвѣчалъ казакъ.

— Побойся Бога! вѣдь ты не чеченецъ окаянный, а честный христіанинъ. Ну, ужъ воли грѣхъ твой тебя попуталъ, нечего дѣлать: своей судьбы не минуешь!